

Марина Цветаева и её влияние на современную литературу

Поэзия и судьба Марины Цветаевой оказали почти гипнотическое воздействие на русскую женскую лирику второй половины минувшего столетия и первого десятилетия нового века.

Марина Ивановна называла себя "поэтом", отвергая литературно-природное определение "поэтесса". В этом предпочтении есть отголосок феминизма, однако широта художественного космоса Цветаевой и степень драматизма коллизий, сотрясающих внутренний мир автора, заставляют нас принять такую характеристику. Понимая, впрочем, что автоматическое перенесение подобной авторской рекомендации в творчество часто может приводить к странным противоречиям в интонации стиха. Ведь то, что может позволить себе произнести мать или сестра, возлюбленная или дочь, есть несомненная привилегия женщины — иные слова в устах поэта, а не поэтессы могут звучать по меньшей мере неадекватно. Тем не менее, феномен Цветаевой позволяет нам почти естественно принимать её как поэта.

Современная женская лирика полна

чувственных признаний, положенных на лист бумаги сочинительницей порой без оглядки на реальный мир, место которого в стихотворении отдало переливу эмоций. Зримые приметы окружающей действительности связывают читателя и автора в единое творческое звено, способствуя художественному узнаванию и сопереживанию. Однако здесь они, практически, опущены. Внешним собеседником становится читательница, к которой обращено едва озвученное предложение о женском сговоре: "Ну, ты же понимаешь, подружка...". Течение слов переводится в специальную русло, где литературная языковость теряет свои строгие позиции, а главным становится желание поделиться. В нём можно найти и отголоски нелёгкой судьбы, и потерянную любовь, и тоску о любимом... Огромное пространство человеческого мира утесняется женским началом и обретает своё женское место.

У Цветаевой эти внутренние стремления присутствуют только частично.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Единственность

более замыкается в себе и не испытывает творческой неловкости от наглядной узости собственных задач.

Особенности поэтического стиля Цветаевой, иной раз препятствующие даже у неё внятному воплощению лирического сюжета, стали некоей визитной карточкой многих современных поэтесс, таким образом решивших утвердиться в качестве художников слова. Напротив, другие сочинительницы, как бы наново переживающие трагедию Марины Ивановны, страдающей от поругания социальной средой самой личности Цветаевой, редко прибегают к имитации стилевых особенностей её стихотворений. Они естественно сопереживают её творческий космос с реальной жизнью и бытием, и это становится самым главным в их любви к

Цветаевой, в желании постичь сокровенные смыслы её лирики, в чисто женском движении утешить и согреть хотя бы память о ней.

Стихи современных авторов молодого и среднего поколения, отмеченные цветаевской интонацией, отличаются

наглядно аффектированной речью, избыточным количеством восклицательных знаков и тире, безудержным применением синтаксических переносов — анжамбеманов. Кроме того, само художественное сообщение выглядит так, будто текст проредил кто-то невидимый, оставив ключевые слова и погасив их смысловую взаимную связь.

Как известно, модернистская литературная практика, с одной стороны, напигана авторским эго, настоящим стремлением к самовыражению любой ценой, а с другой — отличается катастрофическим неумением говорить ясно и касаться вещей наиважнейших для человека и его жизни. Издержки цветаевской языковой "походки" серьёзно обогатили формальный инструментарий литераторов этого выморочного

творческого цеха. Личность и её изменение в координатах бессмертия здесь не важны. Перед нами — загнанные в житейской и интеллектуальной тупик физически конечные человеческие существа. И в том — кардинальное отличие опусов модернистских эпилгонов Марины Цветаевой от её поэзии, где каждая деталь свидетельствует об экзистенциальной бесконечности души и художественной воле автора. А также — об открытости художника жестоким ветрам, продающим земные пределы.

Сегодня чтение в ряду занятий обыкновенного человека значительно утравило прежнюю притягательность и уже не вызывает жадный интерес читателя к сюжетам высокого литературного уровня. Одновременно беллетристика средней руки и пошлые истории с бойкой фабулой приобрели статус значительных произведений. В названных весьма драматических обстоятельствах особую важность приобретает расстановка приоритетов в творческом наследии писателя или поэта. Вопросы стиля в наши дни оказываются вещами второстепенными, поскольку упрямения в выбранном стилистическом ключе стали теперь обыденностью. Имитация голоса и языковой мимики весомо-

го автора подаётся порой как художественное достижение и получает лавры творческого открытия. Десятилетия назад мы с удовольствием повторяли известную европейскую фразу, переиначенную в пользу литературы: "Стиль — это человек". Но сейчас важно понимать, что человек — это не только стиль, но и многое другое, что даёт нам основание говорить о личности, тем более — о личности художника. Подобный дискурс в среде модных современных авторов не пользуется популярностью, более весомыми полагаются приметы ремесла. Тут очевидная подмена позиций, а на самом деле — ещё один шаг к уничтожению искусства и литературы, которые не зря считаются духовным отображением человека.

Читая и вспоминая стихи Цветаевой, мы с трепетом примеряем на себя её судьбу и видим черты автора в каждой строке, в каждом возгласе или умолчании. Единственность произведения не отделила от единственности его создателя. Это правило может серьёзно помочь нашей литературе в горькие времена подделок и имитаций.

Цветаева — трудный ребёнок другой эпохи, однако такой литературный максимализм был бы ей по душе.

(начало на стр. 1)

— Я же из Краснодарского края призывался, хотя родился в одиннадцатом регионе, и сзади у меня на шлеме было написано 23-РВС.

(Краснодарский край — 23-й регион.)

Визу дагестанские и чеченские пейзажи (Моторола служил по контракту на исходе второй чеченской, дважды был там в командировках).

— Это наш старшина артбатареи. Тогда он уже был, по-моему, старшиной артбатареи. Короче, КАМАЗ центропозво за тушкой ко всем х*рбей подорвался на фугасе. И там тушняка, жир, масло — всё загорелось. Старшина выбежал, сам пылает, а люди в поле работают. И вот он начинает стрелять по людям...

— Он от шока или чего?

— Да, от шока. И вот пока его не потушили, не завалили, стрелял.

— Убил кого-то?

— Ну да. Вроде бы да.

Продлиывает эту страницу сам, дальше.

— А занавески у меня видишь какие? Ко мне комбат заходил: "Бля, убери этот "домик в деревне!"".

Занавески очень хорошие, домашние, уютные.

Моторола на марше. Моторола-связист. Моторола в палатке с друзьями выпил монастырский вина, много — очень характерные фотографии.

— Я вообще сынку не люблю, но тут... — смеётся Моторола.

А здесь они, по ходу, слушают музыку и немного танцуют.

— Тогда уже появились "Каста", — вспоминает Моторола и добавляет: — Музыка — это хорошо.

Входит жена с дочкой: они гуляли.

С ними боец "Спарти" — занёс коляску.

Жена — спокойная, с достоинством, приветливая; по типу — казачка из "Тихого Дона": чувствуется какая-то порода, и ум, и стать, и поддержка жены человека, ходящего круглый год близ смерти. Настолько близко, как мало кто на этом свете сегодня. Они познакомились здесь, она из Николаевки, была ранена.

Я спросил у Моторолы про самые смешные украинские фейки по его поводу, а их десятки, он вспомнил идиотскую новость о том, как он застал жену с любовником, всё разгромил, любовника, видимо, убил, а жену, цитирует Моторола, "тащил за волосы".

— Она выше меня на полторы головы, — смеётся он. — Я бы не смог при всём желании.

Была добрая сотня фейковых новостей о гибели Моторолы и ещё сотня о том, что он сбежал из ДНР.

Характерно, что врач, которая подлечивает глаз Моторолы, спросила у него встревоженно: — А вы не уедете? Точно останетесь здесь?

Для людей в ДНР само присутствие Моторолы показатель того, что с республикой всё в порядке, что Украина сюда не вернётся.

Из приличных фейков только один помню: в сети есть информация, что подразделение Моторолы признано в Британии лучшим среди европейских спецподразделений: не думаю, что британские военные столь искренни; однако то, что опыт его батальона изучают, проверяют и перепроверяют ведущие европейские военные школы, очевидно.

А в это время Моторола в шортах смотрит на дочь, журчит аквариум, жена тихо разбирает продукты из пакета на кухне.

Лена тоже предложила мне поесть, я снова отказался, но всё равно через минуту на нашем столике стояла тарелка с нарезанным сыром и колбасой и тарелка с креветками.

Мирошлавка, дочка, так и не поняла, на кого похожа: милейший блондинистый ребёнок.

Сразу потянулася к отцу.

— Когда папа дома, мама у нас не в авторитете, — довольно и добродушно отметил Арсен.

Моих игрушек Мирошлавка немного напугалась: слишком яркий фонарь, слишком громкая машина.

— Такая девочка красивая, ты чего... — засмеялся Моторола.

— Ничего, привыкнет, — не то чтоб извиняясь, но чуть озадаченно говорит Лена, и, что-то приговаривая, уносит дочку спать.

У жены хорошая речь и ровные, плавные манеры; она выходящая замуж за Арсена Павлова, ушедшего на дембель старшим сержантом. Сейчас она жена полковника; предвещает её женой генерала — никакой сложности. Женщины на своём месте.

— Наверное, пора закапать тебе? — спросила она, вернувшись.

Моторола послушно снял повязку.

Она закапала ему капли в раненый глаз.

Было видно, что ей многократно, несравненно жалче мужа, чем мужу самого себя.

Лена беременна, на заметном сроке.

Очередной маленький Моторола на подходе.

Мотороле предлагали поехать в Питер, там лечить раненый глаз, он отказался. На своё счастье, я не стал спрашивать, почему.

Мы негромко болтали о том о сём, и вдруг он что-то вспомнил и будто бы рассердился:

— Человек с таким вот животом стоит и говорит: "Я за вас переживаю и болею". А что ты за меня болеешь? Я гражданин РФ, и нечего за меня болеть. Ты болей вот за детей здесь...

Он меня спрашивает: "А что ты не поехал в Питер подлечиться? Могу помочь!". А что мне туда ехать? Вот, смотри, есть другой боец, у него тоже с глазом проблемы. Что вы его в Питер не отправили? А? Чтобы сказать потом: "Ага, я вот такой ох*ренный парень — я Моторолу отправил в Питер!". Самолюбие своё потешить! Я никуда не собираюсь пока. Мне ещё швы с самого глаза не сняли. Куда мне, на х*р, ехать. Я сразу всем об этом сказал, ну а х*р?

Вот почему солдат никто не отправляет? Почему

меня? Мне этого не надо, меня совесть замучает. Я заколебался к чёрту посылать людей по этому поводу... Пойдем покурим лучше.

И мы пошли курить.

Моторола неожиданно переводит разговор в сферу филологии и языкознания.

— Знаешь, вот ты сказал, что украинцы как нация образовались — с этим можно, конечно, согласиться, — говорит он. — Но есть один вопрос. Они образовались после того, как они уже были русскими, понимаешь? Я не могу разделить: русские, белорусы, украинцы — для меня это сейчас исключительно региональное деление. Мы разговаривали с ними в одно прекрасное время, допустим, до Петра I на одном языке. Это потом уже началось то в одном направлении реформы, то в другом. Но, в принципе, если взять мову — до распада СССР она была вполне нормальной. Там человеческие слова — те слова, которые мы понимаем, потому что они у нас вот здесь вот, — он показывает куда-то себе в область солнечного

Письма из Донбасса

сплетения. — Потому что наши предки на этом языке разговаривали. А то, что сейчас у них...

— За 25 лет очень обновили язык. Понапридумывали замен русским словам...

— Да уж, они так его обновили... Смотри, есть суржик и балачка. Балачка краснодарская и ростовская похожи. Если взять суржик — это чистая балачка, такая же, как балачка краснодарская. Но в Краснодаре это не образовалось в язык. Вот я родился в Республике Коми, на четверть у меня кровь — коми, часть русской крови, часть адайгейской. В Коми национальная одежда — такие же вышиванки, как и у славян, только с отличающимися узорами. Но практически — то же самое. И если я сейчас надену свою национальную одежду, — ну, просто вот захожу походить в льняной одежде своего народа, — то меня начнут сравнивать с "укропом" каким-нибудь. Они начинают монополизировать то, что было общим. Они делают это намеренно. Вот у них День вышиванки, посмотри! Но мы такие же вышивальщики, все мы одинаковые. А самое главное, что у нас у всех кровь одного цвета. И сегодня возникают сложные темы, с которыми я борюсь.

— Какие?

— Проблема в том, что когда человек на этой стороне находится и говорит, что он воюет с Украиной, он такой же зомби, как те, что воюют против нас. Один в один. Когда всё только начиналось в 2014 году, появились тут всякие изречения, вроде "телячий мовы" и так далее, я сразу сказал: ничего этого не нужно, не стоит так говорить. Люди на той стороне — они обмануты кем-то. Они не понимают, что они делают. И если они не понимают, что делают, то надо найти возможность дать им правильное направление. Не может человек говорить, что он воюет с Украиной или с украинцами, если вчера, два года назад, три года назад он был точно таким же украинцем. И так же разговаривал...

— На Украине, — говорю я, — миллионов двадцать людей, которые не знают до конца, где правда. И важно, чтобы они не чувствовали, что их оскорбляют. Важно показать, что мы не боремся с Украиной, не боремся с украинцами.

— У меня позиция конкретная, — продолжает Моторола. — Все воюющие с той стороны — это незаконные вооружённые формирования. Это террористические группировки. Часть из них профашистские, часть — прозападные. И те и другие — бандиты и преступники. Украина как таковая тут не причём.

— Арсен, а ты можешь хоть раз в жизни рассказать, как ты всё-таки здесь очутился? Я уже вариантов десять твоего захода знаю.

Думал, Моторола будет отнекиваться и социоблудать интригу; но он вдруг всё выложил. Или то, что посчитал нужным — в любом случае сказал больше, чем я ожидал.

— Ты знаешь, когда в Южной Осетии всё началось, у меня первая жена была на сохранении. Я ехал к ней вот в эту самую ночь, и тут узнаю про всё: "Грады"-шмрады, война... И у меня реально не было тогда двух с половиной тысяч рублей, чтобы сплетаться до Владика, ну, реально был такой трудный жизненный момент. И я суетился. Но там все близкие зарнее уже были предупреждены ничего мне не давать — они уже видят, что я вот-вот на тапок встану. Ну, думал, ещё день, два, три и я точно сплетяю. И тут — бах! — война закончилась. И после этой ситуации я подумал: можно прое*ать вспышку. Где она может быть? В какой-то момент начинаю списываться с людьми, которые находятся на Украине. Активная фаза была уже в январе-феврале 2014 года: переписка, попытка понять, что там происходит. И я принимаю решение. Пока жена на смене, беру две недели отпуска за свой счёт и пять тысяч рублей аванса у директора. В церкви купил жетон с Георгием Победоносцем, крестик свой освятил, живые в помощи — вот до сих пор я с ними, — Моторола показывает пояснок на себе.

— Собираюсь, сажусь на электричку и еду в Ростов. Из Ростова в Ясиноватую, из Ясиноватой в Донецк... Знаешь, я больше всего боюсь, что буду папиться, понимаешь?

— Нет. Почему?

— Был "майдаан", и там кричали про москалей, и некоторые кричали, что нужно резать русских, говорили, что русский язык не должен быть государственным. Я поначалу думал: какие, к чёрту, русские? Там же одни хохлы живут! Представление моё и огромного количества граждан РФ было такое: на Украине живут люди, которые говорят на другом языке, и у них какой-то другой менталитет. А тут вдруг какие-то "русские". Я думаю: русские, русские,

откуда они там... Я ведь разговариваю на русском языке, последние четыре года я жил в Краснодарском крае, в станицах, где говорят на балачке, и я думал тогда: поеду — и меня там сразу вычислят.

— Типа как негра.

— Ну да. Но я всё равно не сильно себя напугал в тот момент. Надел кроссовки белые с триколором и с надписью "Россия". И у друга моего брат соборец — они пошили шапки под шлем, тоже с гербом российский. И вот в этой шапочке, в кроссовках, в полушалье я рванул сюда. И вдруг понял, что... Ну, к примеру, в Харькове я только через месяц услышал, как размовляет по телефону женщина на мове: я аж обернулся.

— А как ты в Харькове попал?

— Я приехал на Украину 26 февраля 2014 года. В 6 утра электричка до Ясиноватой. Из Ясиноватой до Донецка. В Донецке меня встретил человек. Мы поехали с ним в Димитров, пробыли там два дня. Из Димитрова в Запорожье, там были два или три дня. Потом в

Никополе Днепровской области. Я сидел в Никополе и смотрел украинские каналы. По всем каналам Верховная рада, каждые пять минут. Запрет русского языка? — чих-пых, проголосовали, чих-пых — готово... В Никополе стояла небольшая группа из "Свободы" и небольшая часть представителей "Правого сектора". У них там палаточка была возле администрации. Мне бы обошлось это всё в 2-3 "коктейля Молотова": они бы там просто охренели. Там все были на расслабоне. Когда у меня фактически всё было готово, я доразведку проводил на этом направлении со своим единомышленником.

— Вас было двое?

— Нет, он в этом участии не принимал. Он просто оказывал мне содействие... Прихожу, а там — раз! — уже толпа. Уже ходят люди в форме, и там, в глубине толпы, где палаточки стояли, — люди с оружием. Без нашивок, без ничего, в масках. И тут я понимаю, что опоздал. Это нужно было делать за сутки до этого. Но за сутки до этого я ещё не был готов. И я понимаю, что уже пора уезжать из Никополя. Сижу и думаю, куда дальше ехать. В Крым? Крым — понятно: там наши войска. Какой смысл туда отправляться, когда там и так уже есть кому чем заняться. Смотрю дальше — в Донецке сопротивление. Но Донецк как-то ближе к Ростовской области и там изначально понятнее всё как-то. До 2014 года могло казаться, что Донецк — это вообще Россия: люди постоянно ездили на футбол туда, то-се, рассказывали, что вот, я вчера в Донецке был, — и не воспринималось это всё как чужое. В итоге я решил поехать в Харьков... Попал как раз когда Ленина обороняли, в эту ночь.

— Почему Харьков проиграл?

— Там были активисты: я бы им головы поотвинчивал... Они начали поднимать движение в Харькове в защиту памятника Ленину. Покричали там какие-то лозунги — и всё, пойдёте в русское консульство. И пошли они туда писать письма какие-то, просить миротворцев. И всё время уводили людей, понимаешь. А на следующий день уже приходило на треть меньше людей. Потому что люди рабочие. Устанут. И постепенно это движение начало рассасываться. И осталось держаться только на молодёжи. А что нужно молодёжи? Покуражиться.

Но у "правосексов", приехавших в Харьков, уже были ружья, пистолеты. Они сделали пробный рейд возле памятника Шевченко. Пух, пух, пух, постреляли из травматички. На следующий раз они уже зарядились посерьёзнее. Они залетели на площадь, и вдруг понимают, что напрямую через площадь, транзитом не пропрулят. Они начинают петлять, и мы вдруг понимаем, что это за автобус — он по ориентирам проходил, синий Volkswagen. И, знаешь, там вечно стояли бутылки из-под пива, а в этот раз, как назло, ни одной бутылки из-под пива, все убрали: нечем кинуть даже в лобовое стекло. И я с кружкой чая пластиковой бегу за этим автобусом. Зачем бежал? — Моторола смеётся. — Потом таксисты, которые были за нас, оперативно вычислили их место расположения, и мы пошли туда.

— То есть ты был на улице Рымарская, когда люди Белецкого забаррикадировались и убили из стрелкового оружия двух харьковских активистов. Это было 2 марта, по-моему.

— Да, был... На Рымарской Питеру попали в глаз, в надглазную кость.

— "Питер" — это позывной?

— Да, он в Славянске потом был и там пропал без вести... Питера ранило, и его место занял другой, местный милиционер. Его убили. И ещё убили одного нашего парня, Артёма. Я знаю, как он погиб. Я учился в школе МЧС в 2007-2008 году в Краснодаре, и оказание первой доврачебной помощи — это та тема, в которой я понимаю. Мы заходили, там такая арка внутри двора. И он когда появился, с первого этажа выстрелили из дробовика. Мы за ним шли цепочкой. Сзади стоял рекламный щит. Я щит взял и прикрывал, а ребята вытаскивали Артёма. Ему и в тело попало, и одна дробинка

в шёу, в артерию. Мы отошли с этого места, я смотрю боковым зрением — с ним дело плохо. Доктор из скорой помощи звонит, у кого-то спрашивает совета, и не знает, что делать. Одной рукой делает непрямой массаж сердца, а другой рукой спрашивает, как это делается. В общем, я подключаюсь — фух, фух, фух, Артём — раз! — и задышал, у него цвет кожи менялся начал. Всё нормально, его погрузили на носилки, и я вернулся в эту катавасию возле дома. А потом выхожу — Артём уже всё: бледный, аж пожелтел. Внутреннее кровоотечение! Хороший парень был... Тогда ещё "Россия 24" меня там сняла, как я там корячусь. Лица не видно, но те люди, которые меня знали, сходили, что это я.

И я тогда, после гибели наших ребят, этим харьковскими активистам говорю: вот человек, у него автомат, чтобы у него автомат забрать, человека нужно убить. А для чего его нужно убить? Что забрать автомат и убить другого человека, пока он не убил нас, и забрать ещё один автомат, для того чтобы захватить власть. Для этого...

Кернес тогда людей Белецкого оттуда вывел.

— То есть Кернес уже понимал, с кем имеет дело, и выводил их осмысленно?

— Конечно. Это всё постановка. Люди продались... Местные менты, "беркутовцы" были поначалу нормальные — мы с ними общались, какое-то время я заходил в харьковскую администрацию без проблем. А потом их заменили с полтавским "Беркутом" — по глазам было видно, что они не местные, им по х*ру. И так постепенно харьковские "беркутовцы" сами себя спилили... Когда я уезжал из Харькова, было видно, как по трассе идёт бронетехника, и скоро в окружение полностью был взят танками весь город. Там уже нельзя было ничего сделать к тому моменту.

— Я фактически с самого начала, с февраля 2014-го, по этапам всё, что происходило, наблюдаю, — говорит Моторола. — Я знаю, как началась война, я знаю, где она началась. Все говорят про Одессу. Да, это трагедия. Но все забыли, что параллельно с Одессой, в тот же день, 2 мая, началась крупномасштабная войсковая операция ВСУ с применением авиации, артиллерии, бронетехники.

— В тот же день ополченцы сбили два вертолёта, шедших в атаку.

— Да, это я и снимал видео, как вылетает ракета. Я до этого несколько дней находился там. В маске, хожу туда-сюда там, автомат с подствольником; люди думали, что я — типа подкрепление. На самом деле я ждал, когда прилетят вертолёты, чтобы подать команду. Чтобы те люди, которые сидят в засаде, подоготовились и "сдули" вертолёты. Благо 25-ю бригаду ВСУ мы тогда уже разоружили, и у нас всё было.

Так начиналась война. Вернее сказать, так началась.

У нас сейчас, конечно, спросят: зачем всё-таки ваш Моторола туда приехал?

— Это уже вторичный вопрос. Он приехал с определёнными намерениями. Но убивать всё равно начала первой та сторона. Факт, ничего не напишешь.

Мы переводим разговор на другие темы. Возвращается жена, но к беседе не подключается, занимается своими делами, спокойная и сосредоточенная.

Арсен вдруг говорит: а давай я тебе своими стихами похвастаню. Совершенно неожидан- ный поворот, признаюсь. Я читаю в его телефоне три текста, явно сделанные в расчёте на читку под бит. Я даже не успел озадачиться: а вдруг они плохие и придёт как-то слишком отбоекмо говорить по этому поводу.

То, что Моторола пытается рифмовать, удаётся не всегда, но это дело живинное.

Зато в этих трёх текстах было всё, чего так не хватает русскому рапу: полное отсутствие пентов и полная ответственность человека за всякое сказанное им слово. Никакой нарочитости, никакой "литературности", а вместо этого афористичность и, да, та самая метафизика тревожного бытия, которую у нас многие пытаются доиграть, докрутить ложной трагичностью, за душой не имея ничего, что может эту трагиду подтвердить.

А Моторола, конечно, имеет.

Признаётся, я был удивлён: одно дело — боевой командир, остроумный парень, народный герой, а другое дело... вот это всё.

— В самолёте скукота была, нечем было заняться, — поясняет он.

— Может, получится дельный рэпчик, — гово-

рю я, чтоб не рассыпаться в комплиментах.

— До рэпчика мне ещё как пешком до Помпеи, — откликается Арсен. — Ну не, может, в этом году что-нибудь получится летом. С Ромой что-нибудь зачитаю.

— С Ремом Диггой?!

— Да.

— Это очень было бы славно, — говорю я.

Нет, всё-таки неожиданный поворот.

Возвращая Мотороле его телефон: я в них не разбираюсь (у меня самого ключничный лапоть, и другого не надо), но, кажется, это очень навороченный аппарат.

— Швед, офицер, работавший на СБУ, в плен попал под Славянском, мне подарил, — говорит Моторола. — Ему потом долго всякие письма приходили на английский, типа "как дела?" Я в ответ пишу: "Он умер", — смеётся Моторола.

Напугались? Ничего с этим шведом не случилось.

Через минуту мы всё равно возвращаемся к войне.

— Днепровская область, Запорожье, Харьковская область — почему там нет сопротивления? — риторически спрашивает Моторола. — Потому что там нет оружия. Нет подвоза боеприпасов, подвоза личного состава, подвоза обеспечения. Как только появятся небольшие центрподвоз — просто если мы выйдем к административным границам, те регионы сразу же загорятся. Вот мы все говорим "Донбасс, Донбасс" — а это на самом деле часть